

АНГЛИЙСКИЙ СОНЕТ XVIII

ВЕКОВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАДУГА»
1990

Составление А. Л. ЗОРИНА
Предисловие А. Н. ГОРБУНОВА
Комментарии Э. А. КРАСНОВОЙ
Художник Е. М. БЕЛОУСОВА
Редактор К. Н. АТАРОВА

Английский сонет XVI—XIX веков: Сборник/Сост. А. Л. Зорин.— На англ. яз. с параллельным русским текстом.— М.: Радуга, 1990.— 698 с.

Издание включает лучшие образцы английского сонета, начиная с творчества поэтов-елизаветинцев и кончая неоромантиками конца XIX в. Переводы на русский язык включают как классику XIX—XX вв., так и работы современных поэтов и переводчиков.

Книга предназначена широким кругам любителей поэзии.

© Составление, предисловие, комментарии и переводы, отмеченные в содержании знаком *, издательство «Радуга», 1989

А $\frac{4703010200-295}{031(01)-90}$ 493-89

ISBN 5-05-002424-2

ELIZABETH BARRETT BROWNING

ЭЛИЗАБЕТ БАРРЕТ БРАУНИНГ

Mountaineer and Poet	436
Горец и поэт. <i>Перевод О. Чюминой</i>	437
The Prospect	438
Даль. <i>Перевод О. Чюминой</i>	439
The Prisoner	438
Узник. <i>Перевод О. Чюминой</i>	439

SONNETS FROM THE PORTUGUESE

СОНЕТЫ С ПОРТУГАЛЬСКОГО

1. <i>I thought once how Theocritus had sung</i>	440
<i>Я восхищалась песнью Феокрита... Перевод</i>	
<i>А. Парина</i>	441
3. <i>Unlike are we, unlike, O princely Heart</i>	440
* <i>Неровня мы, возлюбленный мой брат... Перевод</i>	
<i>М. Бородинской</i>	441
<i>Несхожи мы, несхожи, дух вельможный... Пере-</i>	
<i>вод А. Парина</i>	596
6. <i>Go from me. Yet I feel that I shall stand</i>	442
<i>Уйди. Хоть понимаю: мне стоять... Перевод</i>	
<i>А. Парина</i>	443
14. <i>If thou must love me, let it be for nought</i>	442
* <i>Коль вправду любишь ты любви во имя... Перевод</i>	
<i>М. Бородинской</i>	443
<i>Коль я тобой любима, пусть бы ради... Перевод</i>	
<i>А. Парина</i>	596
26. <i>I lived with visions for my company</i>	444
* <i>Любимые виденья с малолетства... Перевод М. Боро-</i>	
<i>динской</i>	445
41. <i>I thank all who have loved me in their hearts</i>	444
* <i>Спасибо всем, кто обо мне с тревогой... Перевод</i>	
<i>М. Бородинской</i>	445

43. <i>How do I love thee? Let me count the ways</i>	446
* Ты спрашиваешь, как тебя люблю я... <i>Перевод</i>	
<i>М. Бородинской</i>	447

ELIZABETH BARRETT BROWNING

MOUNTAINEER AND POET

The simple goatherd between Alp and sky,
Seeing his shadow in that awful tryst
Dilated to a giant's on the mist,
Esteems not his own stature larger by
The apparent image, but more patiently
Strikes his staff down beneath his clenching fist,
While the snow-mountains lift their amethyst
And sapphire crowns of splendor, far and nigh.
Into the air around him. Learn from hence
Meek morals, all ye poets that pursue
Your way still onward up to eminence:
Ye are not great because creation drew
Large revelations round your earliest sense,
Nor bright because God's glory shines for you.

ЭЛИЗАБЕТ БАРРЕТ БРАУНИНГ

ГОРЕЦ И ПОЭТ

Случается порой: пастух простой
Меж Альпами и небом средь тумана,
Увидев тень свою над высотой,
Похожую на образ великана,
Не возгордясь и чужд самообмана,
Еще сильней сжимает посох свой,
Меж тем как высь главою снеговой,
Сапфировой короной осиянна,
Вздывается пред ним. Ты, к высоте
Стремящийся поэт, познай смиренно:
Не ты велик — мир божий, постепенно
Во всей его могучей красоте
Открывшийся тебе для постиженья,
И ты — его же славы отраженье.

THE PROSPECT

Methinks we do as fretful children do,
 Leaning their faces on the window-pane
 To sigh the glass dim with their own breath's stain,
 And shut the sky and landscape from their view;
 And thus, alas! since God the maker drew
 A mystic separation 'twixt those twain,—
 The life beyond us and our souls in pain,—
 We miss the prospect which we are called unto
 By grief we are fools to use. Be still and strong,
 O man, my brother! hold thy sobbing breath,
 And keep thy soul's large window pure from wrong.
 That so, as life's appointment issueth,
 Thy vision may be clear to watch along
 The sunset consummation-lights of death.

THE PRISONER

I count the dismal time by months and years
 Since last I felt the greensward under foot,
 And the great breath of all things summer-mute
 Met mine upon my lips. Now earth appears
 As strange to me as dreams of distant spheres,
 Or thoughts of heaven we weep at. Nature's lute
 Sounds on, behind this door so closely shut,
 A strange, wild music to the prisoner's ears
 Dilated by the distance, till the brain
 Grows dim with fancies which it feels too fine,
 While ever, with a visionary pain,
 Past the precluded senses, sweep and shine
 Streams, forests, glades, and many a golden train
 Of sunlit hills transfigured to divine.

ДАЛЬ

Подобье мы детей, когда они, вздыхая,
 Капризно лбом прильнут к поверхности стекла,
 Туманят гладь его, которая светла,
 Даль неба и полей от взора закрывая...
 С тех пор, как Промыслом разлучена была
 С душою скорбною за гробом жизнь другая,-
 Меж ней и взорами, преграду воздвигая,
 Мешает вдаль смотреть печали нашей мгла.
 О брат! О человек! Сдержи свои рыдания,
 Будь мужествен, молчи. Души твоей стекло
 Пусть дуновением не отуманит зло,
 Чтоб взором ясным ты в конце существованья
 Мог видеть издали, когда блеснут они:
 Предсмертных факелов священные огни.

УЗНИК

Счет времени веду годами я с тех пор,
 Как видел я травы зеленой колыханье
 И на устах моих природы всей дыханье
 С моим сливалось. Теперь земли простор
 Мне странным кажется, как дальних сфер сиянье,
 Как мысль о небесах, туманящая взор.
 Из-за дверей тюрьмы, закрытых на запор,
 Природы музыка звучит на расстояньи -
 Безумна и дика, и слуховой обман
 В мозгу рождает грез несбыточных туман.
 Помимо чувств, мечте — до боли напряженной -
 Рисуются: река и лес замороженный,
 И длинный ряд холмов, что солнцем осиян,
 Божественной красой преображенный.

SONNETS FROM THE PORTUGUESE

1

I thought once how Theocritus had sung
 Of the sweet years, the dear and wished-for years,
 Who each one in a gracious hand appears
 To bear a gift for morals, old or young:
 And, as I mused it in his antique tongue,
 I saw in gradual vision, through my tears,
 The sweet, sad years, the melancholy years,
 Those of my own life, who by turns had flung
 A shadow across me. Straightway I was 'ware,
 So weeping, how a mystic shape did move
 Behind me, and drew me backward by the hair;
 And a voice said in mastery, while I strove,
 "Guess now who holds thee?"—"Death," I said. But there
 The silver answer rang, "Not Death, but Love."

3

Unlike are we, unlike, O princely Heart!
 Unlike our uses and our destinies.
 Our ministering two angels look surprise.
 On one another as they strike athwart
 Their wings in passing. Thou, bethink thee, art
 A guest for queens to social pageantries,
 With gages from a hundred brighter eyes
 Than tears even can make mine, to play thy part
 Of chief musician. What hast *thou* to do
 With looking from the lattice-lights at me,
 A poor, tired, wandering singer, singing through
 The dark, and leaning up a cypress-tree?
 The chrism is on thine head; on mine the dew:
 And Death must dig the level where these agree.

СОНЕТЫ С ПОРТУГАЛЬСКОГО

1

Я восхищалась песнью Феокрита
 О негах лет, желанных, сладких лет,
 Что дарят благостыни ясный свет
 Младым и старым щедро и открыто.

Я речь внимала древнего пиита,
 И яснились, сквозь дымку слез прошед,
 Все скорби лет, печальных, сладких лет,
 Что на меня упали, словно плиты,

И придавили. Плача, различила
 Я за спиной Виденье (стыла кровь) -
 Длань за власы меня назад тащила.

И властный голос рек: «Не прекословь!
 Кто я, ответь!» «Ты — Смерть», — я проронила.
 Сребром звенел ответ: «Не Смерть — Любовь».

3

Неровня мы, возлюбленный мой брат!
 Столь многим суждено нам различаться --
 Представь, как наши ангелы дичатся
 Друг друга, и крылами бьют не в лад.
 Ты — гость желанный царственных палат,
 Где песнь твою встречает плеск оваций
 И блеск очей, с какими не сравнятся
 Моим, когда в них слезы заблестят...
 Тебе ли из окна следить за мною,
 Бродяжкой бедной, что в полночный час
 Поет про мир, объятый мглой ночью,
 К ночному кипарису прислонясь?
 Лоб твой помазан миром, мой -- росой,
 И смерть одна лишь поравняет нас.

Go from me. Yet I feel that I shall stand
 Henceforward in thy shadow. Nevermore
 Alone upon the threshold of my door
 Of individual life, I shall command
 The uses of my soul, nor lift my hand
 Serenely in the sunshine as before,
 Without the sense of that which I forbore,—
 Thy touch upon the palm. The widest land
 Doom takes to part us leaves thy heart in mine
 With pulses that beat double. What I do
 And what I dream include thee, as the wine
 Must taste of its own grapes. And, when I sue
 God for myself, he hears that name of thine.
 And sees within my eyes the tears of two.

If thou must love me, let it be for nought
 Except for love's sake only. Do not say
 "I love her for her smile, her look, her way
 Of speaking gently, for a trick of thought
 That falls in well with mine, and certes brought
 A sense of pleasant ease on such a day;"
 For these things in themselves, beloved, may
 Be changed, or change for thee: and love so wrought
 May be unwrought so. Neither love me for
 Thine own dear pity's wiping my cheeks dry:
 A creature might forget to weep, who bore
 Thy comfort long, and lose thy love thereby.
 But love me for love's sake, that every more
 Thou mayst love on through love's eternity.

Уйди. Хоть понимаю: мне — стоять
 В твоей тени отныне. Минул срок,
 Когда дела могла я на порог
 Своей отдельной жизни созывать

Сама, когда могла я подымать
 Навстречу солнцу руки без тревог,
 Без ощущений тех, что превозмог
 Мой дух, — твоей руки касаний. Гладь

Бескрайняя нас делит, но одно,
 Одно сердцебиенье. И в делах,
 И в снах моих есть ты, как вкус вино

Хранит от грозди. О себе в мольбах
 Прошу я Господа Он все равно
 Зрит плач и твой и мой в моих глазах.

Коль вправду любишь ты — люби во имя
 Самой любви. Не говори: «Я в ней
 Люблю улыбку, плавный звук речей,
 Спокойный взор и мысли, что с моими
 Текут в согласье — все невозмутимей
 И все согласнее с теченьем дней».
 Любовь, от сих изменчивых вещей
 Зависящая, держится лишь ими
 И рушится легко... Любимый мой!
 Люби не ради жалости сердечной:
 Не то, обретши радость и покой,
 Твою любовь утрачу я навечно.
 Люби лишь из любви, любви одной —
 Внезапной, беспричинной, бесконечной.

I lived with visions for my company
 Instead of men and women, years ago
 And found them gentle mates, nor thought to know
 A sweeter music than they played to me.
 But you soon their trailing purple was not free
 Of this world's dust, their lutes did silent grow,
 And I myself grew faint and blind below
 Their vanishing eyes. Then THOU didst come – to be,
 Belovèd, what they seemed Their shining fronts,
 Their songs, their splendours (better, yet the same,
 As river-water hallowed into fonts),
 Met in thee, and from out thee overcame
 My soul with satisfaction of all wants:
 Because God's gifts put man's best dreams to shame.

I thank all who have loved me in their hearts,
 With thanks and love from mine. Deep thanks to all
 Who paused a little near the prison wall
 To hear my music in its louder parts
 Ere they went onward, each one to the mart's
 Or temple's occupation, beyond call.
 But thou, who, in my voice's sink and fall
 When the sob took it, thy divinest Art's
 Own instrument didst drop down at thy foot
 To hearken what I said between my tears...
 Instruct me how to thank thee! Oh, to shoot
 My soul's full meaning into future years,
 That *they* should lend it utterance, and salute
 Love that endures, from Life that disappears!

 юбимые виденья с малолетства
 Мне заменяли братьев и сестер,
 И, вслушиваясь в их созвучный хор,
 Иного я не мыслила соседства.
 Но время шло; ветшали тени детства:
 Покрылся пылью пышный их убор,
 И лютни смолкли... Опустевший взор
 Да оторопь остались мне в наследство.
 Но Ты пришел! В тебе, моя любовь,
 Все призраки, мне прежде дорогие,
 Жизнь обрели — не просто плоть и кровь:
 Так влажная становится стихия
 Святой водой... Душа моя! Так вновь
 Дар божий посрамил мечты людские.

 пасибо всем, кто обо мне с тревогой
 Хоть раз подумал, — всем, кто был мне друг:
 Кто у тюремных стен, заслыша звук
 Моей унылой песни, хоть немного
 Замедлил шаг, идя своей дорогой
 На торг иль в храм, на север иль на юг...
 Но ты, что лиру выпустил из рук
 И слушал, став у моего порога,
 Как я пою и вместе слезы лью, —
 Скажи: какую мерой равноценной
 Воздам тебе за доброту твою?
 В грядущем ли сыщу, на край Вселенной
 Пущусь, — но гимн, что я тебе спою,
 Жизнь, уходя, поет Любви нетленной!

How do I love thee? Let me count the ways.
I love thee to the depth and breadth and height
My soul can reach, when feeling out of sight
For the ends of Being and ideal Grace.
I love thee to the level of everyday's
Most quiet need, by sun and candle-light.
I love thee freely, as men strive for Right;
I love thee purely, as they turn from Praise.
I love thee with the passion put to use
In my old griefs, and with my childhood's faith.
I love thee with a love I seemed to lose
With my lost saints -- I love thee with the breath,
Smiles, tears, of all my life! — and, if God choose,
I shall but love thee better after death.

ы спрашиваешь, как тебя люблю я?
Всей глубиной души, всей высотой,
Когда над повседневной суетой
В мечтах она возносится, ликуя;
Люблю всечасно: радуясь, тоскуя,
И при свечах, и в полдень голубой;
Люблю свободно, смело! — так на бой
Идут за Правду, славы не взыскупя.
Люблю всей памятью житейских драм,
Всем опытом, всей детской страстью к чуду,
Уже, казалось бы, ненужной нам, —
И в счастье, и в слезах, всегда и всюду,
Люблю всей жизнью, до конца, — а там,
Бог даст, еще сильнее любить я буду!

ЭЛИЗАБЕТ БРАУНИНГ

СОНЕТЫ С ПОРТУГАЛЬСКОГО

3

Несхожи мы, несхожи, дух вельможный!
 Несхожи наши судьбы и дела.
 Два наших ангела, раскрыв крыла,
 В полете встречном грустно и тревожно
 Взирают друг на друга. Ты — роскошный
 Гость королев на бáлах без числа,
 Где сотня взоров в плен тебя б взяла
 (Светлей, чем мой в слезах), где было б можно
 Тебе музыкой ранить. Как же твой
 Взгляд на меня стремится в ливнях света,
 Усталую, чьих песен темен строй,
 Чьим плачем кипарисы лишь воспеты?
 Да, миром ты помазан, я — росой.
 Сравняет смерть нам рост и эти меты.

Перевод А. Парина

14

Коль я тобой любима, пусть бы ради
 Самой любви. Пусть губы не твердят:
 «В ее улыбке — взгляде — весь мой клад —
 В манере речи нежной — в гибком складе
 Ума, что, моему в высоком ладе
 Ответствуя, дарит мильон услад».
 Таким вещам превратности грозят
 Среди жизни. К перемене как к преграде
 Придя, любовь угаснет. Не люби
 Меня за то, что ты утер мне щеки,—
 Иссякнет плач, что чувства жег твои,—
 И сам собой иссякнет жар высокий.
 Ради любви люби — такой любви
 И лютой вечности не страшны сроки.

Перевод А. Парина

ЭЛИЗАБЕТ БАРРЕТ БРАУНИНГ (урожд. Моултон) (**Elizabeth Barrett Browning**, 1806-1861) поэтесса, литературный критик, жена поэта Роберта Браунинга (1812--1889). Родилась недалеко от Дарема, дочь вест-индского плантатора, получила прекрасное домашнее образование, включавшее зна-

ние классических языков и литературы. Первое произведение — поэма *The Battle of Maraphon* (1820) — было написано, когда ей исполнилось 14 лет. Травма позвоночника (1821) и глубокая драма, пережитая в связи со смертью любимого брата, на долгие годы приковали Э. Браунинг к постели. В 1844 г. вышел двухтомный сборник ее стихов, утвердивший ее поэтическую репутацию; в него вошло ставшее хрестоматийным стихотворение *Cry of the Children*, неоднократно переведившееся на русский язык и послужившее основой для одноименного стихотворения Н. А. Некрасова.

После выхода сборника начинается переписка Элизабет Баррет Моултон с Робертом Браунингом (1845), и в 1846 г. после замужества Э. Браунинг уезжает с мужем во Флоренцию, где она провела последние 15 лет жизни. Истинную популярность принес поэтессе цикл любовных сонетов *Sonnets from the Portugese*; опубл. во втором издании *Poems* (1850). В позднем творчестве Э. Браунинг — в поэмах *Casa Guidi Windows* (1851) и *Poems before Congress* (1860) — отражены впечатления Э. Браунинг от итальянской революции 1848 г. Роман в стихах *Aurora Leigh* (1857) посвящен теме равноправия женщин.

MOUNTAINEER AND POET — этот и два следующих сонета были опубликованы в сборнике *Poems* (1844).

Sonnets from the Portugese

Написаны между 1846—1849 гг.; опубл. в 1850 г. В цикле 44 сонета, описывающих драматическую эволюцию чувства немолодой уже и больной женщины к блестящему поэту моложе ее на 6 лет; цикл выдержан в лучших традициях петрарковского любовного сонета. В связи со слишком личным, интимным характером цикла сонеты были изданы как «переводы» (с португальского), перекликаясь с одним из ранних стихов поэтессы *Catarina to Camoens*.

1: I THOUGHT ONCE HOW THEOCRITUS HAD SUNG... — 1-2. **how Theocritus had sung/Of the sweet years** вероятно, намек на песню Адониса в 15-й идиллии Феокрита (конец IV — 1-я половина II в. до н. э.).

3: UNLIKE ARE WE, UNLIKE, O PRINCELY HEART... — 13. **the dew** — зд. капли смертного пота.

6: GO FROM ME. YET I FEEL THAT I SHALL

STAND...— лучшим комментарием ко многим сонетам цикла являются письма Э. Браунинг к Р. Браунингу (ср.: “this proof of this regard, all this that you are to me in fact ... my wonder is greater than your wonder... I who sate here alone yesterday so weary of my own being”) (*Love Letters of Elizabeth and Robert Browning*, I, p. 264).

14: IF THOU LOVE ME, LET IT BE FOR NOUGHT...
тема сонета перекликается с сонетом 116 Шекспира.

26: I LIVED WITH VISIONS FOR MY COMPANY... - ср.:
“I grew up in the country, had no social opportunities, had my heart in books and poetry and my experience in reveries... Books and dreams were what I lived in... Afterwards when my illness came... then I turned with some bitterness (on my past) realizing that I had seen no Human Nature” (*Letters*).

41: I THANK ALL WHO HAVE LOVED ME IN THEIR HEARTS... - 5. **mart** = market.